

Тем временем сидевшие в самолете участники тоже получили вопросы и, вооружившись планшетами, принялись записывать правильные ответы.

Линь Синмянь сжал ладони, долго не решаясь начать писать.

Пусть он и тщательно сочинил для них двоих историю любви, о подобных мелочах он никогда не задумывался.

Всего вопросов было пять, и ни об одном из них он даже не заикался в разговоре с Цзян Цзицзинем!

Линь Синмянь тяжело вздохнул: теперь ему оставалось отвечать на эти вопросы исключительно с точки зрения Цзян Цзицзиня.

Черные чернила расплылись по бумаге, и постепенно на ней проступил аккуратный, но уверенный почерк.

Сидевший неподалеку скучающий Цзи Аньшэн наблюдал за тем, как они заполняют опросники. По сравнению с другими двумя гостями Линь Синмянь писал донельзя медленно.

Казалось, он то ли старательно выводит буквы, то ли глубоко о чем-то размышляет.

О чем он думает? Для него ведь эти вопросы не представляют никакой сложности.

Взгляд Цзи Аньшэня мелькнул, и в голове внезапно промелькнула абсурдная мысль.

Цзи Аньшэн забрал планшеты у обоих гостей, и ассистенты съемочной группы проводили их за камеры, чтобы в реальном времени измерить параметры фигуры.

Цзи Аньшэн замер рядом с Линь Синмянем и тихо пробормотал:

— Линь-лаоши, что пишете? Почему так медленно?

Хотя он говорил очень тихо, из-за прикрепленного микрофона его слова отчетливо транслировались в прямой эфир.

Зрители в трансляции тоже заинтересовались: остальные гости справились с вопросами мгновенно, почему же Линь Синмянь писал так долго?

Камера тут же развернулась и скользнула по планшету Линь Синмяня.

Тот был сплошь исписан густым мелким почерком — судя по всему, к ответам подошли предельно серьезно.

— Прошу прощения за ожидание, — Линь Синмянь опустил ручку и протянул планшет ему.

Мужчина поднялся, бесстрастно бросив:

— Прошу прощения, я отойду в заднюю часть зала, нужно сняться мерки.

Линь Синмянь был выше Цзи Аньшэня доброй на полголовы, и его аура мгновенно подавила соперника.

Официальный рост Линь Синмяня — 181 сантиметр, и он превосходил оппонента не только энергетикой, но и ростом.

В том же кадре внешность Линь Синмяня выигрывала любое соревнование с камерой.

Черты лица Линь Синмяня были более утонченными, а когда на нем не было никаких эмоций, он казался еще более холодным и изысканным; его фениксовые глаза легко скользнули по Цзи Аньшэню, словно тот вообще не стоил его внимания.

Лицо же Цзи Аньшэня не выдерживало близкого рассмотрения: стоило камере приблизиться, как он всё меньше напоминал Линь Синмяня.

Красив-то он красив, но в нем начисто отсутствовала та искра, что должна быть присуща актеру.

Цзи Аньшэн опешил, выражение его лица застыло, и он молча отступил в сторону, пропуская Линь Синмяня.

Из-за ширмы донеслись взволнованные голоса съемочной группы. Руки Цзи Аньшэня, спрятанные за спиной, судорожно сжались в кулаки.

Ничего, погодите, придет день, и всё это станет его!

Две минуты пролетели незаметно, отведенное на ответы время истекло.

Гости в зале ожидания один за другим отложили ручки, в напряжении ожидая объявления результатов.

Камера прошла по ряду сидений: выражения лиц у всех были самыми разными.

Самый младший из всех, Цзян Цзицзинь, выглядел невозмутимым и уверенным в себе, в то время как Лу Юйань слегка нервничал, раз за разом перепроверяя листок с ответами.

А вот самый старший, Хэ Юэань, был бледнее полотна, он даже не удосужился закрыть колпачком ручку.

Зрители, глядя на эту троицу, покатывались со смеху.

[Всё, я уже знаю ответы.]

[Хэ Юэань, иди домой и вставай на колени на стиральную доску, пока-пока~]

[Если они ответят неправильно хоть на один вопрос, это не только ударит по их семейным отношениям, но и заставит всю страну судачить. Режиссер У, до чего же вы безжалостны!]

[Ха-ха-ха, какой ядовитый режиссер, как мне это нравится!]

[Пожалейте старичков, они ведь женаты уже больше семи лет.]

[Мне кажется, Цзян Цзицзинь слепо самоуверен, ставлю сто против одного, что этот палец о палец не ударил, чтобы ответить на вопросы.]

[Выглядит таким раздолбаем, ставлю на то, что Цзян Цзицзинь угадал от силы один-два вопроса.]

[Если так рассуждать, единственные, кто реально может рассчитывать на оплачиваемую государством поездку, — это пара Юй-Янь.]

Режиссер У обожал зрелища похлеще и прямо назвал имя:

— Кхм-кхм, ну что же, давайте для начала попросим наших ветеранов с семилетним стажем брака показать пример!

— Погодите! Я еще не дописал, пускай... сначала Юйань идет! — торопливо выпалил Хэ Юэань, пытаясь выиграть еще хоть немного времени.

Режиссер У приподнял бровь и перевел взгляд на Лу Юйаня.

Лу Юйань не имел ничего против и кивнул, соглашаясь.

Он перевернул листок с ответами, и в то же время на большом экране неподалеку высветились все правильные варианты.

Если приглядеться, то первый, третий и четвертый ответы оказались верными.

Вот только с вопросом о мытье головы и с параметрами фигуры они промахнулись страшнейшим образом.

Ошибка в замерах Лу Юйань еще ожидал.

Но вот ответ «моет голову раз в 4 дня (причина: слишком занят, пользуется сухим шампунем)» действительно поверг его в шок.

Он же каждый день делил с Шэнь Янем одно ложе, и порой от того и вправду доносился странный душок.

Он же лично спрашивал Шэнь Яня, и тот неизменно уверял, что мыл голову либо вчера, либо позавчера.

В конце концов, его доверие предали.

Лицо Лу Юйаня сменило целую гамму эмоций: от крайнего шока до быстрого принятия прошло ровно две секунды.

[И правда настоящая любовь: четыре дня не мыл голову, а тот и не учуял, ха-ха-ха.]

[Янь-Янь говорил, что домашней уборкой обычно занимается Лу Юйань, потому что у того маниакальная чистоплотность.]

[Кто бы мог подумать, что чистюля Лу-шэнь теперь живет с неряхой Шэнь Янем.]

[Пара Юй-Янь просто сладкая парочка! Зачтено, следующий!]

Режиссер У взмахнул рукой:

— Ладно, зачет! Следующий, Хэ Юэань, сможешь выступить?

Хэ Юэань стиснул зубы и, зажмурившись, просто перевернул свой листок.

На большом экране одновременно показались правильные ответы.

Не считая первого вопроса о первом официальном свидании и третьего — халявного про эскимо, всё остальное оказалось неверным!

— Хэ Юэань провалил задание! — возбужденно объявил режиссер У. — Оставайтесь на месте и ждите наказания.

Хэ Юэань открыл глаза, уставился на экран и недоверчиво произнес:

— Когда мы встречались с Сяо Му, он действительно мыл голову каждый день!

Словно осознав, что говорит слишком громко, Хэ Юэань поджал губы и тихо пробормотал:

— Раньше он же больше всего на свете любил розовый цвет... Неужели он просто растолстел за последнее время и перешел на черный?

[Цсс-цсс, вот это уровень эмоционального интеллекта.]

[Прощай, великий режиссер, сегодня вечером ты отправляешься в далекое плавание.]

[Если бы мой муж посмел заставить меня мыть голову раз в день, я бы немедленно вышвырнула его с этой планеты.]

[Они что, правда живут вместе? Он даже не знает, одежду каких цветов обычно носит Цинь Му.]

[Ха-ха-ха, Цинь Му там сломал уже две ручки, чуть до смерти не напугав Синмяня.]

[Если Цзян Цзицзинь ответит неправильно, зрелище будет еще более кровавым.]

[Цзян Цзицзинь слишком молод и легкомыслен, сомневаюсь, что он обращал внимание на такие мелочи.]

[Я жду только одного — когда опубликуют параметры Синмяня, слюнки текут~]

— Последний, директор Цзян! Вы уверены, что ответите абсолютно на все вопросы? — режиссер У был большим мастером нагнетать атмосферу и вопрошал с показным волнением.

— Разумеется, — Цзян Цзицзинь безмятежно откинулся на спинку стула, закинув ногу на ногу.

— Поскольку ответ Линь-лаоши вышел слишком длинным, мы будем открывать ответы по одному, — режиссер У нажал на пульт, и на большом экране появилась длинная простыня текста, набранного строгим печатным шрифтом.

— На первом свидании был одет в сшитый на заказ черный костюм-тройку от KITON, изготовленный по спецзаказу золоченый галстук, лакированные туфли из блестящей черной кожи от Louis Vuitton, белые носки средней длины, а на руке красовались платиновые коллекционные часы Vacheron Constantin.

От этого обилия конкретики присутствующие гости разинули рты: никто и помыслить не мог, что кто-то станет расписывать всё до такой степени подробно.

Как вообще на такое отвечать?

Цзян Цзицзинь спокойно перевернул первую страницу опросника, где красовалась исписанная

замысловатым каллиграфическим почерком на английском языке страница, от которой рябило в глазах.

Съемочная группа на секунду замерла, но тут же отрядила знающего английский язык сотрудника для синхронного перевода.

Зрители у экранов изнывали от нетерпения, прямо в процессе трансляции делая скриншоты для машинного перевода.

[Черт побери, да ведь всё почти тютелька в тютельку!]

[Студенты-англисты со сдавшим экзактором уровня ТЕМ-8 авторитетно заявляют: слово в слово! Бренды, цвета, фасоны — всё совпадает!]

[Ого, они что, тайным передатчиком пользовались?]

Цзян Цзицзинь опустил ресницы, надежно скрывая свою заслугу и славу.

В конце концов, в тот вечер он сам раздевал Синмяня, разве мог он такое забыть?

— Кхм-м, следующий, — кашлянув, режиссер У снова нажал на кнопку пульта.

На экране вновь выплыла длинная строка текста.

— Обычный график: примерно раз в два дня; если на съемках волосы фиксировали лаком, то смывать обязательно в тот же день. Если съемок нет, то примерно раз в три дня.

Режиссер У уставился на эту простыню текста и нахмурился:

— Это уже читерство какое-то! Тут любой вариант назови, всё будет сложно оценить!

Цзян Цзицзинь неторопливо перевернул страницу — за ней последовала еще одна страница по-английски.

На сей раз дежуривший за кадром сотрудник перевел всё с легкостью, и озвученные данные в точности совпали с ответом Линь Синмяня, включая все временные интервалы.

— Вау, вы серьезно... — режиссер У посмотрел на него с таким шоком на лице, что у него просто пропал дар речи.

Следующим шел халявный вопрос: ответы обоих оказались лаконичными, и они справились с ним с первого раза.

На данный момент три вопроса были пройдены без единой ошибки, и оба участника уже успешно миновали испытание, но популярность трансляции не падала, а лишь росла: всем не терпелось узнать, насколько хорошо они изучили друг друга. А фанаты Синмяня тем временем уже получили утреннюю ориентировку от фандома и замерли в ожидании финального вопроса.

— Вопрос четвертый: одежда какого цвета появляется в гардеробе чаще всего? — режиссер У щелкнул пультом.

На заднем плане экран высветил картинку: на чистом листе бумаги четко значилось «Белая рубашка», а ниже шла зачеркнутая строка.

«Толстовка, спортивные штаны»

Однако среди ответов, которые перевел Цзян Цзицзинь, фигурировала не только белая рубашка, но и та самая зачеркнутая «толстовка со спортивными штанами».

Цзян Цзицзинь сохранял полное спокойствие, храня в тайне свою славу.

Когда он переезжал, то специально заглянул в шкаф Линь Синмяня — именно такой одежды там было больше всего, так что логично предположить, что носил он ее чаще прочего.

Брови режиссера У сошлись на переносице, и взгляд, брошенный на Цзян Цзицзиня, неуловимо изменился:

— Ты! Да ты просто ненормальный!

Цзян Цзицзинь лишь лениво повел плечом, не подтверждая, но и не опровергая догадку.

[Ох, ну не зря они молодожены, до такой степени в курсе всех мелочей.]

[Как думаете, ответит ли он на следующий вопрос? Сколько пар уже погорело на этом.]

[Сомневаюсь. Кто в здравом уме станет измерять параметры своей половинки? Стали бы они страдать такой фигней.]

[Да он точно знает! Примерные цифры у него в голове есть наверняка! В конце концов, они же молодожены, огонь и солома...]

[А-а-а-а, началось, началось!]

[Фанаты Синмяня, подъем! Самое интересное пошло!]

Такие деликатные данные, как параметры фигуры гостя, разумеется, не оглашались публично — ведущие сверялись лишь с цифрами, предоставленными самими мужчинами, чтобы вынести вердикт: верно или нет.

Режиссер У скрестил руки на груди, искренне не веря, что тот сможет выдать что-то выдающееся.

Цзян Цзицзинь с расстановкой перевернул страницу, но на этот раз на листе красовались вовсе не печатные символы, а от руки выведенные иероглифы.

Пусть почерк был слегка кривоватым, но разобрать написанное труда не составляло.

«Я-то знаю, да только вам не скажу~»

<http://bllate.org/book/21869/2270288>